

ИДЕЯ ОБНОВЛЕННОГО РАЗУМА.

«Прежде всего снимай съ очей ума твоего покровы, содержащiе его въ ослѣпленнiи».

Феофанъ Затворникъ.

«Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безмернымъ ума».

Пушкинъ.

Не разумъ губить современное человѣчество, а бездуховность и безвѣрiе. Религiю подточила не наука, а близорукая и самодовольная слѣпота дурной «учености». Не философiя вредна и ядовита, а безотвѣтственность и пошлость мнимыхъ «мудрецовъ».

Разумъ совсѣмъ не враждебенъ вѣрѣ. Наука совсѣмъ не исключаетъ и не «отвергаетъ» религiю. Философiя есть источникъ не соблазна, а *очевидности въ вещахъ божественныхъ*.

Я знаю, что многiе не видятъ этого; что большинство людей совсѣмъ и не думаетъ объ этомъ; что меньшинство, касающееся этого своею мыслью, думаетъ иначе. И тѣмъ не менѣе я утверждаю, что весь смыслъ современнаго духовнаго кризиса, переживаемаго человѣчествомъ, состоитъ въ томъ, что оно *выстрадываетъ себѣ новый укладъ души и духа*; такой укладъ, въ которомъ разумъ вернется къ вѣрѣ и вѣра засияетъ всѣми лучами разума; такой укладъ, въ которомъ наука найдетъ свою настоящую почву въ *духовномъ опытѣ*, а религiя, питающая и укрѣпляющая этотъ духовный опытъ, станетъ условiемъ подлинной учености; такой укладъ, въ которомъ философiя опять найдетъ свой религiозный смыслъ, а молитва опять принесетъ человѣку свои философскiе дары.

Медленно движется время; медленно и трудно слагаются и приносятъ свои плоды новые душевно-духовные сдвиги; слишкомъ много страстей и ожесточенiя, слишкомъ много инерцiи, пассивности и безпомощности въ человѣчествѣ. Но *идея новаго духовнаго зклада* уже свѣтитъ намъ и зоветъ насъ. Его рожденiе и образованiе уже совершается: онъ не ждетъ разрушенiя и гибели стараго зклада. Новый духъ уже крѣпнеть въ страданiяхъ, зрѣетъ въ грозахъ и буряхъ. И отъ насъ, отъ

насъ зависить — волею служить ему, волею идти ему навстрѣчу . . .

Современный духовный кризисъ состоитъ въ томъ, что *разумъ отпалъ отъ вѣры* и пересталъ быть разумомъ, а сталъ плоскимъ *разсудкомъ*. А плоскій разсудокъ прилѣпился къ вещественному, утвердился въ своей отвлеченности, забросилъ свои святыя колодцы и источники, и объявилъ себя верховнымъ, самодовлѣющимъ, единственнымъ *источникомъ истины и культуры*. Этимъ все уже было предопредѣлено; и нужны были только сроки для того, чтобы кризисъ развернулся и бездна зазіяла.

Что видитъ такой «умъ»? Только то, о чемъ говорятъ ему тѣлесныя глаза и уши, осязаніе и мускульныя ощущенія. Все остальное, чего нельзя ни свѣсить, ни смѣрить — все было «похѣрено». Что осталось? Матерія; безъ жизни, безъ тайны, безъ духа, безъ цѣли, безъ Бога. Матерія и ея слѣпая механика (современное естествознаніе); да еще анализъ «возможнаго» движенія и «возможныхъ» связей «возможныхъ» качествъ и количествъ (современная математика). Здѣсь находили «доказательность», «очевидность» и «истину», — первоисточникъ знанія и обязательный прототипъ науки. И наука стала *безбожной теоріей о богопустынномъ мірѣ*. А самъ человѣкъ оказался *частью* этого богопустыннаго міра; — не только *носителемъ* безбожныхъ теорій, но и безбожно разсматриваемымъ *объектомъ*. Изучая себя и направляя свою жизнь, — онъ погасилъ въ себѣ всѣ божественныя лучи и засыпалъ мусоромъ свои святыя колодцы. Самоуниженіе разсудка утверждало его въ этой безбожности; а безбожность закрѣпляла и раздувала его самоуниженіе. Бѣда увеличивалась еще отъ того, что *теоретическое* отрицаніе тайны и глубины проникало и *въ жизнь*, и практически уводило человѣческія души отъ глубинъ, вело къ оскудѣнію и измельчанію жизни, дѣлало души плоскими и пошлыми *на самомъ дѣлѣ*. Зловредный фантомъ *безбожной и противорелигіозной науки* — насаждалъ жизненное скудочувствіе и плоскодуміе; а разсудочный плоскодумъ не только утверждался въ «научномъ» безвѣріи, но становился прямо *воинствующимъ безбожникомъ*.

Такова здѣсь связь явленій: цѣльное и исключительное довѣріе къ *всцѣственному опыту* и къ *отвлеченному разсудку* породили уходъ отъ религіи, — сначала безбожную, а потомъ

и *противо*-религіозную науку. Восемнадцатый и девятнадцатый вѣка свободно и упорно культивировали *такую* ученость. И надо признать и выговорить прямо, что при наличности и при водительство *такой* науки—вопросъ большевицкой «культуры» и пропаганды былъ лишь вопросомъ *времени*, а вопросъ комсомольскихъ кощунствъ былъ лишь вопросомъ темперамента и приличія. Буйный и грубый атеизмъ современныхъ коммунистовъ, лежащій въ основаніи *всѣхъ* ихъ доктринъ и *всей* ихъ практики. — по существу своему уже содержится цѣликомъ въ атеистическихъ теоріяхъ и сочиненіяхъ двухъ послѣднихъ вѣковъ: нынѣ онъ только доводитъ дѣло до конца и вступаетъ на путь политической воинственности: нынѣ *отмечается* то, что тогда только *думалось* и *говорилось*.

Этимъ не исчерпывается однако сущность современнаго духовнаго кризиса. Правда, разумъ, оторвавшись отъ духовнаго и религіознаго опыта, сталъ *разсудкомъ* и повлекъ человечество по путямъ теоретическаго безбожія, духовнаго оскудѣнія и практическаго безстыдства. Но этотъ отрывъ *подорвалъ и вѣру*.

Религіозная вѣра, не удержавъ разумъ, упустивъ его — оказалась въ расхожденіи съ нимъ: оказалось, будто вѣра утверждаетъ такое, что «разумъ» отрицаетъ; причемъ однако «разумъ» спорить, «доказываетъ» и убѣждаетъ, а вѣра только провозглашаетъ и настаиваетъ. «Разумъ» не боится обсужденія и «обоснованія», напротивъ онъ ищетъ «свѣта» — и въ смыслѣ гласности, и въ смыслѣ анализа, и въ смыслѣ «безпристрастія»; тогда какъ вѣра уклоняется отъ споровъ, не имѣетъ доказательствъ и убѣждаетъ только тѣхъ, кто заранее уже убѣжденъ, т. е. тѣхъ, кто уже рѣшилъ вопросъ *до* всякихъ разсужденій, кто слѣдовательно держится за «*пред-разсудки*». Вѣра — вѣрить, а не доказываетъ и не обосновываетъ; и никакія длиннѣйшія и тончайшія разсужденія не могутъ породить вѣру; вѣрующій человекъ не нуждается въ доказательствахъ и не «критикуетъ» своей вѣры; онъ вѣруетъ *ирраціонально*, не только *безъ* «разума», а хотя бы и *противъ* «разума», безъ основаній, слѣпо, всеу; и потому сама вѣра незамѣтно стала приравнивать себя *суе-вѣрію*. А развѣ суевѣріе «культурно»? И развѣ оно не унижительно? Развѣ это не наивность, не темнота, не отсталость, не варварство? Не... «опіумъ для народа»?...

Долгое время вѣру спасало то, что ей свойственно вѣрить *безъ* доказательствъ и безъ обоснованій. Но рано или поздно «научный прогрессъ» — успѣшно познаваемая закономѣрность матеріи и блестяще-ясная стройность разсудка — должны были сказать нѣчто убѣдительное и соблазнительное и тому человеку, который хранилъ въ себѣ святыню «ирраціональной» вѣры. И его умъ долженъ былъ признать: и успѣхи позитивной науки (физика, химія, астрономія, геологія), и практическое завоеваніе природы (техника), и «неотразимые» доводы «свободнаго» «разума». Возникало *двѣ истины* — истина религіозная (Богъ, сверхчувственное, благодать, тайна, таинство, чудо) и истина научная (матерія и энергія, чувственное, законъ природы, экспериментъ, состоятельная гипотеза). *Двѣ истины* — несогласныя одна съ другой — «взаимно исключаютъ одна другую» — и все же *обѣ истины* . . .

Великій расколъ въ человѣческомъ существѣ приносилъ свои плоды: *ткань духа раздиралась отъ верхняго края до нижняго*. Ибо духъ *не въ силахъ* признавать сразу двѣ непримиримыя истины: онъ будетъ или обманывать себя, признавая только одну; или — насиловать себя, до тѣхъ поръ, пока не потеряетъ вообще всякую способность признавать что-нибудь за истину. И *даръ вѣры*, чудный и могучій Божій даръ, *отойдетъ отъ него*.

Не дано человѣческому духу *вѣрить* въ *двѣ* взаимно противорѣчивыя истины. Ибо *вѣра цѣльна* по самому естеству своему; а *истина едина и единственна* по своей сущности. Расколотившаяся вѣра — или соединится и срастется вновь; или совсѣмъ отлетитъ отъ души. Она можетъ вся уйти на сторону науки; она можетъ вся оконаться на сторону религіи. Но она *не можетъ* остаться при двухъ истинахъ, какъ предлагали когда-то Бэконъ, Монтень и Шарронъ.

И вотъ, исторически, она у однихъ уходила вся на сторону науки и становилась *разсудочной убѣжденностью*: эти люди признавали *одну* единственную истину — *безбожную теорію о богопустынномъ мірѣ*; и тѣмъ готовили въ душахъ пути для современнаго воинствующаго безбожія: ибо достаточно было, чтобы эта разсудочная убѣжденность приобрѣла черты прямолинейности, нетерпимости и ожесточенности для того, чтобы вспыхнула стихія большевизма.

У другихъ вѣра уходила вся на сторону религіи и становилась *ирраціональной* (безразумной и противоразумной) *убѣжденностью*: они признавали одну единственную истину и отменяли науку, считая ее дѣломъ празднаго любопытства, черно-книжія, религіознаго бунта и окаяннаго ереси. Закрывъ глаза, осудивъ естественную, *отъ Бога данную* любознательность чело-вѣка и отвергнувъ изученіе *Божьяго міра*, *религіозно необходимое для его одухотворенія*, они пытались запретить науку, помѣшать ея росту и расцвѣту, заставить ученыхъ подъ пыткой отречься отъ ихъ гипотезъ и открытій. И этимъ они только углубляли расколъ, закрѣпляли злосчастный разрывъ чело-вѣческаго существа и ожесточали разумъ: они *побуждали его завершить свою религіозную слѣпоту* и тѣмъ готовили себѣ въ будущемъ воинственнаго и одержимаго врага.

А третьи пытались, — или признавая разумочную науку, какъ-нибудь не отвергнуть «противонаучную» вѣру; или же соблюдая вѣру, какъ-нибудь не отвергнуть противорелигіозную науку. Ихъ чувство *принимало* невѣрную постановку вопроса (*или* разумочная наука, *или* противонаучная религія); и искало разрѣшенія то въ безцвѣтныхъ и блѣдныхъ примиреніяхъ, то въ простомъ обывательскомъ совмѣщеніи. Ихъ очевидность не была — ни достаточно религіозно-дерзновенна, чтобы объявить наукѣ смертную борьбу; ни достаточно чувственно-цмоска для того, чтобы успокоиться на безбожіи и богопустынности. Она *двоилась* въ ихъ душѣ; и отъ этого *слабла* и *вырождалась*. И тѣмъ подготовляла все разнообразности современнаго безразличія, релятивизма («все относительно»), агностицизма («ничего нельзя знать достоверно»), синкретизма (сращеніе разнорѣчиваго) и т. д.

Судьба этихъ трехъ теченій состояла въ томъ, что *холодъ разумочнаго отрицанія все больше крѣпъ* и разливался все дальѣе и шире. Явный и тайный, сдержанный и воинственный нигилизмъ отравлялъ души на всехъ возможныхъ путяхъ, увеличивая и число своихъ прямыхъ послѣдователей, и число *теплопрохладныхъ* «примирителей»; — и въ то же время онъ все ограничивалъ число *горячихъ до изуверства*, угашая ихъ пылъ, колебля ихъ твердость и исключительность, ослабляя ихъ силу — и душевно, и соціально...

Вся эта духовная трагедія возникла, сложилась и назрѣла за предѣлами Россіи, въ Западной Европѣ. Католическая

Европа знает время, когда человѣческій разумъ былъ объявленъ началомъ дьявольскимъ, а ученые естествоиспытатели, не думавшіе вовсе посягать на ученіе церкви, обрекались гоненіямъ, тюрьмамъ, пыткамъ и казнямъ. Католическая церковь боялась ереси и не вѣрила въ разумъ. Она не вѣрила въ то, что разумъ есть *сила Божественная* и опасалась, что свободное изученіе природы дастъ человѣку виѣцерковный источникъ противохристіанской очевидности. И потому она не шла въ себѣ ни силы, ни глубины, ни ширины, ни мудрости, ни гибкости для того, чтобы разрѣшить, возглавить и *христіанизировать духъ нарождающагося естествознанія*. Она не только не благословила изученіе *чудесъ и тайнъ Божьяго міра*, но пыталась наложить на это изученіе запретъ и остановить его. Она не захотѣла и не сумѣла *пропитать это изученіе изнутри — духомъ религіознаго благоговѣнія; чувствомъ приближенія къ Божіей тайнѣ; характеромъ мистическаго откровенія; волею познать величайшее дѣло Божіе; заданіемъ: одухотворить міръ вещественный черезъ подчиненіе его — власти христіански-мыслящаго и живущаго человѣка...*

Изученіе міра все-таки пошло своимъ чередомъ. Но осуществилось оно не *боговдохновеннымъ разумомъ*, а богопокинутымъ разсудкомъ. И плоды этого откола и извращенія мы собираемъ съ тѣхъ поръ въ теченіе вѣковъ вплоть до современнаго духовнаго кризиса.

Намъ трудно представить себѣ во всѣхъ подробностяхъ, какова была бы та *иная* наука, которая выросла бы изъ *цѣльнаго* и *цѣлостнаго* (а не разорваннаго и расколотаго) *человѣческаго существа*. Мы можемъ однако съ увѣренностью сказать, что это была бы наука, насыщенная *духомъ* и *интуиціей*; что она всегда оцупцала бы *живую тайну міра*, его величіе и священность, и потому она была бы методологически гораздо болѣе осторожна, гибка, скромна и отвѣтственна (особенно въ изслѣдованіи души); что она умѣла бы не только дробить предметъ, расчленять его и идти отъ кусочковъ, но умѣла бы и *видѣть цѣлое*, идти отъ цѣлаго и переходить къ частямъ; что она была бы несравненно проницательнѣе, утонченнѣе, художественнѣе, и потому продуктивнѣе (теоретически и практически); что она предпочитала бы живое *показываніе* предмета всякому отвлеченному «построенію» и «разсужденію»; что она имѣла бы верховную религіозно-правственную *цѣль*,

и въ вѣрномъ служеніи ей утверждала бы свою духовную *свободу отъ всякой земной пошлости и дурной тенденціозности*; что она сохранила бы единеніе съ такими глубинами человѣческаго существа — познавая *ихъ* и познавая *ими* — къ которымъ современная разсудочная наука не знаетъ, какъ и подступиться. Вопросы психологіи, душевнаго и духовнаго лѣченія; вопросы воспитанія, характера и морали; вопросы политики и исторіи — все было бы *поставлено* иначе, все давало бы человѣку не разсудочную безпомощность, не слѣпую вѣру въ количество, въ механику и въ равенство (со всею вытекающею отсюда демагогіей), а *властную прозорливость и видящую власть*.

Люди испытывали бы *религіозную значительность истиннаго знанія; священную отвѣтственность ученаго; духовную природу науки*. А наука была бы дорогою, не уводящею отъ Бога, а ведущею къ Богу. —

Исторія культуры пошла другимъ путемъ. Западъ отдѣлилъ умъ отъ вѣры и пошелъ за невѣрующимъ умомъ. А когда западное христіанство спохватилось, то безбожный умъ ушелъ такъ далеко, что вернуть его было уже некуда и невозможно. И «побѣда» этого западнаго безбожнаго ума состоитъ не только въ обиліи «вѣрныхъ гипотезъ», въ созданіи могучей техники, въ критическомъ развѣданіи самыхъ корней христіанства (протестантское богословіе) и въ созданіи тайныхъ, но очень вліятельныхъ противохристіанскихъ организацій, — но главнымъ образомъ въ томъ, что *стихія тепло-прохладной раздвоенности* захватила и *церковные умы, и «вѣрующія» души*...

Духъ современнаго культурнаго человѣчества глубоко развѣденъ этою «двойною бухгалтеріей» въ вопросахъ *истины*: онъ знаетъ *двѣ* истины и потому въ истинномъ смыслѣ *не знаетъ ни одной*. Религіозность его не умѣетъ быть цѣльною: а жадность его научилась цѣльности и безстыдству. Наука его не умѣетъ быть благодатною, мудрою и ведущею; а самочувствіе его богато тою заносчивостью, которая свойственна полуобразованному уму, ослѣпленному «наукой» и полнаукой, но *не измѣрившему ея предѣловъ*...

Трудно сказать, трудно предвидѣть — побѣдитъ ли въ себѣ эту раздвоенность западное человѣчество; и если побѣдитъ, то когда и какъ. Но надо признать и установить незыблемо, что идти за нимъ по этимъ путямъ и дорогамъ — *русскій народъ и русская интеллигенція не должны*. Всему человѣчеству и

намъ русскимъ, въ частности и въ особенности, — необходимъ *новый укладъ души и духа*; укладъ, не основанный на внутреннемъ расколѣ и не ведущій къ нему; укладъ здоровой и глубокой *цѣлостности*. И къ этому укладу намъ надлежитъ воспитывать и себя, и своихъ дѣтей.

Для этого мы должны прежде всего усвоить ту истину, что разумъ совсѣмъ не враждебенъ вѣрѣ; что наука совсѣмъ не исключаетъ и не опровергаетъ религію; что вѣра нуждается въ разумѣ. ибо *разумъ ведетъ къ Богу*.

Именно такъ учила о соотношеніи вѣры и разума великая восточно-православная аскетика. Она не только не противопоставляла «умъ» — «сердцу» или «созерцанію», но утверждала ихъ органическое единство.

«Боголюбивый умъ есть свѣтъ души» — учитъ Антоній Великій. «Мы люди тѣмъ, что истинно умны въ душѣ, т. е. боголюбивы». «У кого умъ боголюбивъ, тотъ просвѣщенъ сердцемъ и зритъ Бога умомъ своимъ». «Какъ тѣло безъ души мертво, такъ душа безъ ума бездѣйствительна и Бога достояніемъ своимъ имѣть не можетъ».

«Умъ есть кормчій сердца» — пишетъ Макарій Великій; «умъ есть всадникъ; онъ впрягаетъ колесницу души, сдерживая бразды помысловъ».

Дѣйствіе молитвы по свидѣтельству Блаженнаго Діадоха таково, что отъ нея «благодать Божія вселяется въ самую *глубину души, т. е. въ умъ*». Ибо молитва есть «умное ума дѣйство таинственно на жертвенникѣ душевномъ» (Григорій Синаитъ); а «чистота сердечная» есть не что иное, какъ «блюденіе и охраненіе ума» (Исихія Іерусалимскій).

«Не знающій истины и вѣровать не можетъ. Ибо *въдѣніе по естеству предваряетъ вѣру*» — такова основополагающая формула Марка Подвижника.

Умъ мыслится здѣсь, какъ глубочайшая способность воспринимать Бога, видѣть Его, свѣтить душѣ и вызывать въ ней любовь и вѣру. Умъ утверждается здѣсь, какъ *источникъ религиозной очевидности* и необходимой для нея *душевной чистоты*. Ибо *вѣра безъ ума есть именно безумная вѣра*; и исторія безъ конца свидѣтельствуешь о томъ, что *безумная вѣра прилипала къ самымъ нечистымъ и соблазнительнымъ предметамъ и людямъ*... И исторія Россіи за послѣднюю четверть вѣка подтверждаетъ это достаточно.

Полтора тысячелѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ великіе восточно-православные боговидцы выстрадали и высказали это ученіе. И нынѣ въ ихъ завѣтахъ человѣчество должно искать и будетъ искать спасенія и исцѣленія: ибо исцѣленіе его состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы *умъ* его сталъ *боголюбивъ* и *религіозенъ*, и чтобы *вѣра* его стала *умнымъ дѣйствомъ* его ума, сіяющаго изъ душевной *глубины*.

За эти полтора тысячелѣтія возникла, окрѣпла и развернулась позитивная наука. И то, что теперь предстоитъ человѣчеству, есть не радикальное отверженіе этой науки, какъ таковой, а обновленіе строящаго ее ума и освѣщеніе добытыхъ научныхъ познаній изнутри. Вѣрное останется *вѣрнымъ*; но духовно осмыслившись и освѣтившись отъ Цѣлаго — оно станетъ *истиннымъ*. Религіозное чувство окрылить, углубить и уточнить умъ; и религія, по слову Бэкона, во истину станетъ тѣмъ «ароматомъ», который не допускаетъ науку до порчи и гніенія. А разумъ очистить, оградить и укрѣпить вѣру; и наука станетъ разновидностью единаго, жизненно-религіознаго дѣланія. Фантомъ безбожной науки со всеѣми его соблазнами отойдетъ въ прошлое; а безразумная и противоразумная религіозность не будетъ отпугивать человѣческаго ума... Человѣчество опять найдетъ пути къ *умной очевидности въ вещахъ божественныхъ* и призывъ Франциска Ассизскаго «оставаться неучемъ изъ любви къ Господу Богу» не будетъ находить отклика въ сердцахъ. Истина опять станетъ — единой и единственной и никто не будетъ думать вослѣдъ за «премудрымъ» Рутиліемъ, что христіанское ученіе «нагубно для умныхъ людей».

Трудно предвидѣть, когда и какъ побѣдитъ въ себѣ эту раздвоенность западное человѣчество. Но въ духѣ *русской православной культуры* — съ ея свободолобіемъ, съ ея шириною, глубиною и гибкостью, съ ея великою традиціей міропріятія и міроосвященія, съ ея непосредственностью, искренностью и склонностью идти въ великомъ до конца, — имѣется все то, что необходимо для созданія новаго духовнаго сдвига и новаго уклада.

Къ этому обновленію готовятъ насъ годы крушенія и страданія.

И оно должно сіять намъ впереди путеводною звѣздою.